

От редакции:

В статье анализируются политические предпочтения А. М. Горького и их влияние на его творческую и педагогическую деятельность.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

*Морган В.Джон
профессор.*

*Я не член партии и мало понимаю в ее делах.
А.М.Горький*

Введение

В 1937 г. Александр Каун, первый крупный биограф Горького, написал в некрологе: «Немногие исторические персоны вызывают больше страсти – ненависти или восхищения, чем Максим Горький» [Kaun 'Obituary 1937: 440]. Споры не утихали и в последующие годы [Barratt, Scherr 1997: V]. Советские критики продолжили правую линию, которая представляла Горького как «подлинного» представителя пролетарских масс, друга и товарища Ленина и Сталина, а также основателя школы «социалистического реализма» – единственного идеологически правильного метода работы советских писателей.

Западные критики, в свою очередь, довольно сдержанно оценивали вклад Горького в литературу, отмечая, что в конце жизни писатель продал свой талант и репутацию сталинскому режиму.

Леонард Шапиро, известный исследователь советского общества и политики периода, описанного Александром Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ», отмечал, что Горький не только заслужил моральное негодование Ленина, но и, несомненно, относится к «самым льстивым и нечестным авторам, записавшим официальную версию строительства Беломорканала, зная, что всё это ложь» [Solzhenitzsyn 1988]. Американский учёный Бертрам Вольф был более милосерден, признавая, что было много того, что следует поставить в вину Горькому, но надо понимать, что он достаточно долго вёл «активный и неравный бой за свободу культуры у себя на родине, прежде чем был сломлен старостью и одиночеством» [Scharpiro 1986: 381; Wolfe 1967: 142].

Цель настоящей статьи заключается в попытке понять исторические условия, в которых работал Горький, и дать оценку его противоречивой деятельности. Мы хотели бы глубже понять, что говорил и как поступал в тех или иных обстоятельствах этот незаурядный человек, каков его вклад в развитие образования и культуры в России периода Октябрьской революции (1917) и последующего социалистического строительства в СССР.

«Максим Горький» – псевдоним Алексея Михайловича Пешкова, родившегося в Нижнем Новгороде в 1868 г. Оказавшись в раннем возрасте сиротой, он воспитывался у бабушки и дедушки по материнской линии – простых фабричных людей. С особенной теплотой Горький вспоминал любимую бабушку. Он часто говорил потом, что в его судьбе есть много общего с жизнью Сергея Есенина. Если Есенин вышел из крестьянских низов, то Горький вырос в настоящей пролетарской среде. Впоследствии это послужило поводом считать пролетарского писателя и крестьянского поэта интеллектуальными представителями классов, на которые опирались большевики. Несмотря на политическую неблагонадёжность,

непредсказуемое поведения Есенина и Горького, миф был создан и не одно десятилетие использовался в СССР.

В действительности Горький был продуктом пролетариата не больше, чем Есенин – ярким представителем крестьянства. Несмотря на то, что он был достаточно грамотным, по достижении восьми лет ему пришлось наняться на подсобную работу. Правда, в этом не было ничего необычного, учитывая сложные экономические условия семьи. Последующий опыт работы на различных низкооплачиваемых должностях, случайные заработки, которыми Горький перебивался в странствиях по России и, особенно, вдоль реки Волги, дали богатый материал для более позднего литературного творчества. Этот период жизни Горького очень трудно назвать школой пролетария – фабричного рабочего, сталевара или шахтёра – в том смысле, как это, например, описано у Эмиля Золя в романе «Жерминаль». Более правдоподобными для реконструкции данного периода жизни писателя были бы такие известные автобиографические произведения мировой литературы как «Автобиография супер-бродяги» валлийского автора Девиса или «В дороге» американца Керуака [Davies 1968; Kerouac 2000]. В 1898 г. Горький писал Антону Чехову: «Я не люблю больших городов, и, прежде чем начать писать, долгое время был простым странником» [Gorky 1966: 17]. Позже он признался, что «сделал много таких вещей, которые теперь называются хулиганством. Я сделал их, потому что хотел остаться живым, и я не знал других средств для этого» [Gorki 1966: 47].

Как и американский социалистический писатель Джек Лондон, с которым его связывает много общего в биографии и творческой судьбе, Горький был ненасытным, но разборчивым читателем. По этому поводу он как-то написал Чехову: «Я самоучка с тридцатилетним стажем» [Gorky 1966: 16]. В результате Горький имел широкие, но случайные и несистематизированные познания, дополненные суровым, часто жестоким, жизненным опытом. Можно

определённо сказать, что Горький инстинктивно был бунтарём, а революционером стал благодаря самообразованию и жизненному опыту. Его контакты со студенческими радикалами в Казани привели к знакомству с подпольными и революционными движениями, открыли ему таких запрещённых цензурой авторов, как Николай Чернышевский и Джон Стюарт Миль. В результате Горький оказался под негласным наблюдением политической царской полиции. Всё это впоследствии было описано Горьким в знаменитой автобиографической трилогии «Мои университеты». Его знакомство с рассказами Владимира Короленко способствовало началу собственной творческой деятельности. В 1892 г. в местной газете он опубликовал первый рассказ «Макар Чудра». К 1898 г. им было опубликовано уже два тома рассказов, положивших начало его широкой известности. Однако попытка публикации крамольной аллегории «Песнь о Буревестнике» (1901) привела к запрету данного произведения цензурой и аресту автора. Писателя освободили только после заступничества Льва Толстого. Череда парадоксов в жизни Горького продолжается, и уже на следующий год он избирается членом Российской Академии наук и литературы. Это было удивительное достижение для человека его происхождения и биографии. Тем не менее, выборы в члены Академии были отменены по указу царя Николая II, осведомлённого о политической и социальной ненадёжности Горького. В дальнейшем его исключили из числа академиков, что имело определённые последствия – Короленко и Чехов также были выведены из состава Академии.

Писатель как социальный педагог

Люди, с которыми Горький общался в молодости, часто «не имели корней» – у них не было дома и семьи, не было никаких моральных или религиозных рамок, общественных ценностей или политических убеждений. Всех этих людей объединял статус

аутсайдеров. Если пользоваться терминологией Энгельса, то их скорее можно назвать люмпен-пролетариатом, который, в отличие от настоящего пролетариата, к истории общества не имеет никакого отношения. Однако именно благодаря отношениям с этими людьми молодой Горький, подобно Мао Цзэду в юности, научился понимать и сочувствовать обитателям дна российского общества. Позднее, обращаясь к своим читателям, Горький пояснял, что описывал жизнь этих людей именно потому, что увидел в них человеческое несмотря на их униженное положение: «Бродяги были для меня «необычными» людьми, потому что они, оторванные от своего класса, потеряли его признаки, его защиту» [Gorki 1946: 55]. «Я видел много бродяг в ночлежных домах, в монастырях, просто в дороге... Критики упрекали меня в том, что я идеализировал их, возлагал всевозможные необоснованные и невыполнимые надежды и даже примерял к ним ницшеанскую идею анархизма» [Gorki 1946: 55]. Разумеется, это было право художника построить свою логику для изложения материала. Горький стал убеждённым гуманистом, болезненно ощущая способность человечества к бесчеловечности: «Он [человек] есть всё. Даже Бог создан человеком. А искусство является лишь одним из ярких проявлений творческого духа» [Gorki 1946: 55]. Этот подход был впоследствии реализован в лучших произведениях Горького. Опять-таки хочется провести параллель с Джеком Лондоном, а именно с его историей случайных заработков на западном побережье Америки и последовавшим затем опытом работы в золотодобывающих приисках Клондайка. Лондон был социалистом, и его романы и рассказы, подобно произведениям Горького, имели чрезвычайную популярность у советских читателей.

Репутация Горького как революционного писателя и социального критика выросла в результате его связи с российской социал-демократической партией и, особенно, с её большевистской фракцией (хотя он не был членом партии). В его творчестве всё

отчетливее проявляется метод социалистического реализма, который наиболее заметен в знаменитой пьесе «На дне» (1902). Ирония состоит в том, что критики и публика больше отмечали в данном произведении осуждение существующего строя, нежели веру в человека, попытку поверить в силу духа при подавляющих достоинство обстоятельствах.

Во время революции 1905 г. Горький вновь был арестован, а его работы были подвергнуты цензуре и запрещены. Затем приговор был заменён ссылкой, в значительной степени под влиянием известных западных интеллектуалов и поклонников его творчества. Правда, взаимные симпатии писателя и западной интеллигенции закончились во время злополучного визита в Соединённые Штаты в том же году. Горький отправился за океан с миссией сбора средств среди русских эмигрантов и других сочувствующих для Социал-демократической партии, но получил общественное порицание, когда выяснилось, что он не был женат на женщине, сопровождавшей его в поездке. Это обстоятельство при активной поддержке российского царского посольства в Вашингтоне стало предметом жёсткой критики американской прессы. Поездка Горького была прервана. Вернувшись на родину, Горький пишет о Соединённых Штатах: «Эта страна никогда не испытывала стыда и унижения, знакомого русскому анархисту, которому так не хватает естественного нравственного чувства и который оглушает всех своей ненавистью к религии, закону и порядку» [Gorki 1946: 32]. Горький был поражён лицемерием и цинизмом американской прессы, которая может писать о чём угодно, лишь бы это приносило прибыль. Появляется повесть «Город Жёлтого Дьявола» (1906), в которой писатель резко осудил ценности американского общества: «Наиболее интересны из всех здесь индейцы и негры. Сами же американцы для меня представляют интерес только своим невежеством – это поразительно! И жаждой денег, которая отвратительна» [Gorki 1946: 55].

В 1907 г. он опубликовал один из самых известных и наиболее тенденциозных романов – «Мать». В нём описана революционная деятельность рабочих в русском провинциальном городке. Позднее советские критики признали роман образцом социалистического реализма, хотя, на самом деле, по манере исполнения работа очень напоминала натуралистические романы конца XIX в. и явно «отставала» от работ признанного мастера этого жанра – Эмиля Золя. Большинство западных критиков сошлись во мнении, что роман «Мать» очень слаб в художественном отношении, он перегружен «бесхитростными описаниями подробностей повседневной жизни заводских рабочих» [Wolfe 1967: 69-70]. Горький это понимал, несмотря на то, что в СССР роман был широко растрогажирован как образец настоящего пролетарского произведения. Он признавал, что роман «Мать» – «одно из самых неудачных его произведений: «длинный, растянутый, скучно и небрежно написанный» [Gorky 1966: 119-120].

Анализируя неудачу, Горький в письме театральному режиссёру К. С. Станиславскому, отмечал: «Как художник, я был обязан знать, как использовать личные, субъективные впечатления, как найти в них общий знаменатель, общую цель, так, чтобы представить читателю свои идеи в надлежащей и понятной форме» [Gorky 1966: 69-70]. И вслед за этим, в письме Ромену Роллану, французскому писателю-интернационалисту: «Я перегружен впечатлениями от жизни. Я страдаю от гипертрофии фактических знаний. Меня слишком привлекает всё внешне необычное, и это делает из меня рассказчика, а не исследователя тайн человеческой души, загадок жизни» [Gorky 1966: 119-120]. Но, опять же, как и Джек Лондон, Горький мучительно искал ту грань, которая разделяет или, наоборот, объединяет простого рассказчика и художника, имеющего право критиковать социальную действительность. В результате творчеству обоих писателей оказалась присуща излишняя поучительность,

которая почти не допускала самостоятельных размышлений читателя, пусть даже в направлении заранее определённых выводов.

«Богостроительство» и партийная школа на Капри

Между 1907 и 1913 гг. Горький живёт в основном на острове Капри в Италии. Однако всё это время он активно поддерживает связи с российскими социал-демократами. Хотя, как уже отмечалось, он не был членом партии, в 1907 г. Горький присутствовал на съезде партии в Лондоне в качестве «почётного гостя» и был впечатлён энергией и энтузиазмом делегатов. Владимир Ленин похвалил его за публикацию романа «Мать», отметив не столько литературные достоинства, сколько политическое значение романа. «Многие рабочие принимают участие в революционном движении спонтанно, не понимая его целей и задач, – сказал он Горькому. – Теперь они смогут извлечь пользу из чтения романа. Это книга, которая вышла в нужное время» [Тройат 1991: 112].

После съезда Горький вернулся на Капри в восторженном настроении и приветствовал предложение А. В. Луначарского и А. А. Богданова создать школы для рабочих пропагандистов и агитаторов. Очень скоро такая школа была открыта в доме Горького на Капри. Отметим, что в дальнейшем содержание занятий и методы обучения стали предметом острых интеллектуальных и политических разногласий между Лениным и Богдановым. Идея Луначарского и Богданова о переключении целей обучения от критического анализа действительности в направлении духовно-нравственного развития человека была очень близка Горькому. Как человек из народа, он считал самым главным в процессе социалистических преобразований сохранение веры в человеческие возможности подняться над своим униженным состоянием. Горький активно работал в созданной школе до тех пор, пока в результате внутрипартийной борьбы Богданов не

был вынужден создать новую партийную школу в Болонье, в работе которой Горький принимать участия не стал.

Это не означает, что Горький принял сторону Ленина – вовсе нет. Например, стоит отметить его роман «Исповедь», посвящённый выдающемуся русскому певцу Фёдору Шаляпину, опубликованный в 1909 г. Этот роман представляет собой попытку проанализировать моральные дилеммы воспитания в христианской вере и идеи освобождения трудящихся масс. Он приходит к выводу, что ответ заключается в создании Человека-Бога на Земле через осуществление правосудия, доброты и сострадания. Одним словом, человеческое добро в его противостоянии страданию и злу – решение почти в традиции Достоевского. «Исповедь» Горького ложится в основание новой «безбожной» религии, создаваемой самими людьми и воплощённой в социалистическом обществе. Это позволит, по мнению писателя, согласовать этические особенности христианства с марксистским экономическим и социологическим анализом эксплуатации человека труда. «Исповедь» оказалась в конце концов политически некорректным текстом, который позднее был изъят цензурой из советского издания сочинений Горького.

Несколько лет спустя в письме к английскому социалистическому писателю Герберту Уэлсу, Горький продолжает развивать идею этического гуманизма. Он пишет: «Мы, люди, создали собственного Бога для нашей радости и печали. В окружающем мире мы не находим ни Бога, ни вообще чего-либо, кроме других людей, таких же несчастных, как мы сами, людей, которые хотят верить в добро» [Gorky 1966: 96]. Позже, в 1929 г. Горький признал моральное влияние Библии. В письме австрийскому публицисту и поэту Стефану Цвейгу он указывает на то, что его современник, французский писатель Стендаль «так же велик для меня, как авторы книги Иова, Экклезиаста и Исаии» [Gorky 1966: 114]. Такие квази-религиозные отношения не могли не стать причиной критики и неодобрения со

стороны Ленина. Во время краткого посещения Капри (в 1910 г. по приглашению Горького) их отношения перешли в стадию «проблемной дружбы» [Pethybridge 1974: 149]. В 1913 г. Горький возвращается в Россию, где, если и поддерживает большевиков, всё же подвергает всё более резкой критике их диктаторские и насильственные методы.

Мировая литература и местная культура

«Несвоевременные мысли» (1917), опубликованные Горьким сразу же после Октябрьской революции, вызвали ожесточённую критику. В них Ленин и Троцкий были названы «наполеонами социализма». Также, в отличие от интеллектуала среднего класса Богданова, который поддерживал идею создания «новой» пролетарской культуры (Пролеткульт), Горький как «человек из народа» настаивал на безусловной ценности и непреходящем значении мировой культуры в любых исторических обстоятельствах. Поэтому вождям революции следовало бы обеспечить интеллигенции – носителям культуры – сносные условия существования, оградив её от цензуры, голода и ссылок. В реальности же первыми от экономических трудностей, ухудшения условий жизни в городах пострадали именно представители интеллигенции [Kenez 1985: 102]. Горький предложил масштабный издательский проект – «Библиотеку мировой литературы», который предусматривал перевод на русский язык и публикацию без купюр основных произведений мировой классики миллионными тиражами. Это обеспечило бы занятость сотен безработных и обнищавших представителей интеллигенции в качестве переводчиков, редакторов и литературных консультантов. Горький был намерен опубликовать более восьми сотен томов классической литературы разных народов и культур. На самом деле к 1922 г. удалось выпустить лишь пятьдесят девять томов. Но и это, учитывая бюрократическую волокиту, дефицит бумаги, трудности с набором текстов и их печатью, был «поразительный результат,

свидетельствующий о поддержке Горького в высших эшелонах власти» [Kenez 1985: 102], включая Ленина и Луначарского. Для этого Горький использовал свои контакты с западными интеллектуалами и писателями, такими как Бернард Шоу, Синклер Льюис, Ромен Роллан. В письме Герберту Уэллсу он отмечал: «Если бы Вы могли выслать что-нибудь для облегчения положения литераторов в Петрограде, я очень прошу Вас сделать это без промедления. Мы переживаем очень трудное время, в городе нет никакого продовольствия, и без преувеличения можно сказать, что в Петрограде скоро начнётся голод... Я просто не могу себе представить, как наши литераторы будут жить в самые ближайшие недели» [Gorky 1966: 100-101].

Он также просил опубликовать в русскоязычном журнале, издаваемом в Берлине, работы российских авторов, утверждая: «Такие публикации являются абсолютно необходимыми для моих соотечественников, которые, как вы знаете, оказались в течение последних восьми лет в полной изоляции от жизни в Европе» [Pethybridge 1974: 144]. Это стало одной из основных тем Горького – поддержка постоянного обмена культурными ценностями. В 1923 г. он снова написал Уэллсу: «Никогда ранее слово честного человека не имело столь высокой цены, как сейчас. И не только как выражение его образа мыслей, но ещё и как абсолютная нравственная, этическая ценность. Прошу Вас извинить меня за возможную назойливость, но это действительно сейчас очень важно для нас» [Pethybridge 1974: 69].

Подвижническая деятельность Горького по сохранению литературы и её распространению среди самых широких масс контрастирует с прагматическим подходом Ленина. Вскоре после революции Горький предложил издать историю литературы, которую с целью культурного просвещения могли бы изучать сотни тысяч рабочих. На это предложение Ленин ответил презрительно: «Нет времени для написания толстых книг, толстую книгу будет читать только интеллигенция» [Pethybridge 1974: 132]. Позднее Горький

прокомментировал этот ответ следующим образом: «Ленин, несомненно, унаследовал черты русского дворянина... Он не знает народных масс, ибо он никогда не жил среди них. Из книг... он научился... лишь тому, какими средствами подстегнуть их инстинкты и привести в ярость» [Gorky 1966: 117].

Сам Горький считал, что основным препятствием на пути России к европеизации и вхождению в мировую культуру является тотальная неграмотность и деревенский уклад жизни [Pethybridge 1974: 213]. Он полагал, что особое внимание должно уделяться малым народам, о жизни которых узнал в путешествиях по Волге. Многие из этих народов не имели своей письменности. На протяжении столетий они слагали эпосы, былины, в которых запечатлелись особенности их национальной культуры и сознания. И для писателя, художника очень важно понимать эти глубинные пласты культуры, поскольку они являются ключом к нынешним социальным и политическим преобразованиям [Pethybridge 1974: 54]. Горький поясняет свою мысль следующим примером: «В зачаточном состоянии человечество под руководством инстинкта самосохранения голыми руками ведёт борьбу с природой за существование. Первые победы вызвали в человеке осознание своей силы, ... они стимулируют его к созданию эпоса, который постепенно становится кладовой человеческих знаний. Позже миф и эпос объединяются в одно целое. Народ, создавший своих эпических персонажей, наделяет их силой собственной коллективной души и устанавливает как своих богов» [Yedlin 1999: 163]. К этой теме он ещё вернётся в объяснении социалистического реализма в литературе и искусстве.

Во время работы по созданию Библиотеки мировой литературы Горький пишет одно из своих лучших произведений – автобиографическую трилогию «Детство», «В людях» и «Мои университеты», а также воспоминания о Льве Толстом, с которым его связывали тёплые дружеские отношения. Он продолжает осуждать

Ленина и большевиков за жёсткий контроль и цензуру художественной литературы, поддержку одних произведений и тотальный запрет других. Горький открыто выступает против судов и казней политических оппонентов большевиков, включая как сторонников бывшего царского режима, так и бывших союзников – эсеров. Он вспоминал, как во время гражданской войны ему часто приходилось встречаться и обсуждать с Лениным жестокость революционной тактики и образа жизни. «Чего вы ждете?» – отвечал Ленин с удивлением и гневом: «Разве гуманизм возможен в такой неслыханно жестокой борьбе?» [Pethybridge 1974: 85]. Но Горький был и оставался гуманистом. Его личные отношения с Лениным, которые блестяще описал Бертрам Вольф, оставляли его в исключительном положении и давали право вмешиваться в ход событий и выступать в защиту преследуемой интеллигенции. Горький резко спорил с Лениным о судьбе царской семьи и даже успел спасти жизнь одному из великих князей. Своё отношение к Ленину и большевикам он объяснял в письме Ромену Роллану: «В начале 1918 г. я понял, что никакая другая власть в России невозможна и что Ленин был единственным человеком, способным остановить неуправляемый процесс анархии и саморазрушения среди крестьян и солдат. Это не значит, что я полностью согласен с Лениным. Несколько лет подряд я резко критикую его за то, что его борьба против русского анархизма... приняла характер борьбы с культурой. Я объяснял ему, что, уничтожая русскую интеллигенцию, он лишает русский народ национального самосознания» [Schapiro 1986: 375].

В конце концов, такая критика не могла продолжаться бесконечно. Горький окончательно разорвал отношения с Лениным. Совесть и давление амбивалентного положения сделало ситуацию невыносимой. Он порвал с Лениным и был вынужден искать повода уехать из страны. «Подавление Кронштадтского восстания, аресты общественных членов Комиссии по оказанию помощи голодающим,

смерти А. Блока и Н. Гумилева – всё это было слишком много для него» [Schariro 1986: 368]. Он принял близко к сердцу обвинения Евгения Замятина, который 7 августа 1921 г. кричал в трубку Горькому: «это мы убили Блока, все мы» [Gorky 1972: 216].

Отношение Блока к Октябрьской революции было предметом сомнительных раздумий Горького. Блок считал большевизм культурным катаклизмом в духе Освальда Шпенглера. Приходит конец старому порядку вещей, старой культуре, и рождается новая. Этот подход Блок высказал в публичной лекции на тему «Крушение гуманизма» в ноябре 1919 г. Присутствовавший на лекции Горький был поражён ходом рассуждений Блока и записал в своём дневнике: «Я так и не смог понять, одобряет ли он факт крушения гуманизма или нет» [Gorky 1972: 216].

Уже позднее он отметил, что Блок совершенно прав в том, что: «интеллигенция не должна отрицать своего участия в том, что большевики пришли к власти и делают то, что делают. Большевизм является неизбежным результатом работы интеллигенции на университетских кафедрах, в редакциях газет, результатом просветительской деятельности среди широких народных масс» [Kagarlitsky 1989: 50].

Важно подчеркнуть, что эти слова были написаны Горьким в 1924 г. в Берлине, то есть в то время, когда он ещё не стал послушным орудием советской власти. Кстати, об этом же писал и Николай Бердяев, справедливо отмечая, что «вся история русской интеллигенции была подготовкой к коммунизму» [Berdyayev 1937: 145].

Второе изгнание

Принято считать, что Горький был вынужден прекратить свою деятельность в России и уехать на Запад по причине ухудшения здоровья. В 1924 г. он вновь поселился в Италии, на этот раз в

Сорренто, по другую сторону залива, напротив Капри. По иронии судьбы следующие десять лет он должен был прожить в тени другой диктатуры – Муссолини и фашистов. Горький получил визу с условием, что не станет заниматься политикой, однако за ним негласно наблюдали, и его почта «очень внимательно прочитывалась, прежде чем дойти до адресата» [Yedlin 1999: 163]. Тем не менее, он продолжает резко критиковать большевистскую цензуру, в частности кампанию Надежды Крупской по изъятию из библиотечных фондов политически неблагонадежной литературы. Горький назвал эту кампанию новостью, «что поражает воображение, как «интеллектуальный вампиризм» и как «зверства», которые заставляют подумать об отказе от советского гражданства» [Wolfe 1967: 143-144].

Джону Голсуорси, английскому писателю и президенту Международного ПЕН-клуба, он сообщал, что новые правители России хотят политизировать все стороны жизни человека, и это вызывает протест [Gorky 1966: 117]. Как отмечал Бертрам Вольф, приведённые выше слова Горького следует считать основным признаком тоталитаризма» [Wolfe 1967]. В 1926 Горький писал Константину Федину: «Я всегда ненавидел страдание, как физическое, так и моральное. Оно всегда и субъективно, и объективно вызывает во мне протест, отвращение и даже ярость. Оно унижает человека и поэтому его следует ненавидеть. Только таким образом можно его исключить из жизни» [Gorky 1966: 159]. В это время популярность Горького в России падает отчасти из-за его отсутствия в стране и неучастия в современных литературных проектах, отчасти из-за контактов с западными интеллектуалами по ПЕН-клубу, а главное – по причине его нежелания иметь дело с советскими руководителями.

Однако на практике Горький не смог совсем разорвать отношения с правящим режимом в России и это вызывало резкую критику со стороны его коллег – русских писателей-эмигрантов. Так,

например, он написал дружелюбный, даже хвалебный некролог о Ленине в 1924 г. [Gorki 1946: 152]. В статье по случаю десятой годовщины большевистской революции, он подчеркнул, что несмотря ни на что, в развитии образования и культуры советских масс достигнут прогресс. По его словам, рабочие и крестьяне начали «на практике учиться самоуправлению». «Как и все трудящиеся мира, сначала медленно, но со всё возрастающей скоростью начинают понимать колоссальное значение этого». Появляются тысячи, десятки тысяч периодических печатных изданий – газет, заводских многотиражек, информационных листков, в которых сами трудящиеся описывают свои повседневные проблемы, предлагают их решение, а это, «с точки зрения развития культуры и политической грамотности, очень важно». И ещё «потребность в знаниях очень высока среди крестьянских масс, а это важнейший показатель роста культуры». «Не следует забывать и об огромном просветительском влиянии на деревню возвращающихся с фронтов грамотных красноармейцев», отмечает Горький, и, вслед за Лениным, пишет об исключительном значении появления в домах электричества: «Долгими зимними вечерами электрические лампочки теперь освещают крестьянские дома, собирая вместе грамотных и неграмотных для чтения газет и обсуждения своей жизни». Наконец, Горький пишет, что все эти «перемены в жизни простого народа произошли благодаря честному и умелому труду народных масс, которые не поверили сладкоречивым «богоискателям», а решительно отвергли их лживые обещания...» [Gorki 1946: 153].

В переписке с западными интеллектуалами он не скрывал своей положительной оценки происходящих в Советском Союзе перемен и лишний раз не отказывался покритиковать жизнь в современном ему капиталистическом обществе Западной Европы и Северной Америки. Например, в марте 1928 г. он писал Ромену Роллану об образовании и развитии культур национальных меньшинств в СССР: «Хотел бы

поделиться с Вами – очень отраднo, что за последние десять лет многие нерусские, а именно финские, монгольские и тюрко-финские народности в СССР получили свою письменность... Многие национальности Поволжья, Кавказа и Сибири уже создают свои газеты, собственные музыкальные школы, музеи, издательства, растят своих прозаиков и поэтов. Один миллион чувашей с их столицей в Чебоксарах на Волге имеет десять газет на чувашском языке общим тиражом в десятки тысяч экземпляров». Не без иронии он добавляет: «В общем, слияние с русской культурой идёт быстро» [Gorky 1966: 128].

В другом письме Роллану он критикует русского поэта-эмигранта Константина Бальмонта, который напрасно восхищается современным буржуазным обществом: «Оставим Бальмонта, чтобы полюбоваться «цивилизацией», где преступления и насилие приобретают катастрофические размеры, где пытки детей становятся повседневностью; ... в Бостоне, где цензура запрещает продажу книг Герберта Уэллса и Синклера Льюиса;... «цивилизацией», где стало возможным обвинение и казнь по политическим причинам Сакко и Ванцетти, проведение «обезьяньего процесса» и других бесчисленных подобных мерзостей, которые не шокируют разве что «революционера» типа Бальмонта» [Gorky 1966: 125-126].

Горький сильно переживает международную изоляцию СССР как «бастиона социализма» и поэтому в 1928 г. совершает непродолжительную поездку в Россию. Свои впечатления он изложил в серии литературных зарисовок «В Советском Союзе» (1929). Горький убедил себя, что может внести личный вклад в судьбу страны, если будет содействовать её позитивному имиджу в мире. Примерно такого же мнения в отношении пропагандистских возможностей и потенциала Горького придерживался Сталин. Не последнее значение для Горького имела финансовая поддержка в случае возвращения в Москву. После нескольких последующих

кратких визитов, в 1931 г. Горький возвращается на постоянное место жительства в Советский Союз, хотя гражданство ему было восстановлено лишь в 1933. С некоторым восхищением он пишет Ромену Роллану: «На месте серых и убогих русских деревень появляются современные города с коммунальными банями и прачечными, механическими хлебопекарнями, коммунальными столовыми, театрами, школами, детскими яслями, благодаря которым женщина перестаёт быть домашней работницей и рабыней своего мужа» [Gorky 1966: 125-126].

Своим возвращением в СССР Горький заслужил резкую критику многих оппонентов и врагов, которые презрительно назвали его поступок выбором привилегированного советского пенсионера. Тем не менее, его решение было поводом для подлинного национального торжества – настолько высокой была его репутация среди простых россиян.

Социалистический реализм, идеалы и мифотворчество

В 1932 г. Горький был официально назначен «куратором» советской литературы, председателем Союза писателей СССР и пионером «социалистического реализма», единственного идеологически утверждённого литературного метода, который был применён в романе «Мать» (1907). Ирония этого назначения заключалась в том, что вся предыдущая жизнь Горького в качестве «перекати-поле» никак не была связана с необходимостью «правдиво» изображать оседлую жизнь рабочих и те чувства, которые они испытывают к своей фабричной или шахтёрской слободке, или предприятию, на котором могли трудиться всю жизнь. В 1933 г. Горький приступает к выполнению своих планов по созданию школы социалистического реализма, который он противопоставил реализму буржуазному. Он отмечал, что когда «писатель стоит перед выбором между буржуазным прошлым и социалистическим будущим,

эмоционально он на стороне прошлого, но разумом понимает неизбежность нового будущего» [Gorky 1971: 38]. «Если какие-нибудь подленькие пережитки прошло и появляются в нашей жизни, то разоблачать их надо с высоты достижений сегодняшней жизни и благородных целей будущего» [Gorky 1971: 39]. Такой подход «вызывает у писателей гордость и энтузиазм к работе, задаёт новый оптимистический тон в нашей литературе, помогает появлению новых ярких художественных форм, основанных на опыте сегодняшней жизни» [Gorky 1971: 39]. По сути, эта декларация о намерениях была затем развёрнута в обстоятельную программу действий. На Первом Всесоюзном съезде советских писателей 2 августа 1934 г. Горький, в качестве председательствующего обращается к аудитории с докладом «О Советской литературе». Содержание доклада позволяет глубже понять позицию Горького, поэтому здесь стоит остановиться несколько подробнее.

Со вступительным словом съезд открыл Андрей Жданов, секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза и один из ближайших последователей Сталина. Он прямо заявил: «Советская литература должна изображать наших героев уверенно смотрящими в завтрашний день» [Yedlin 1999: 208]. По сути, это была принципиальная идеологическая установка, и для её реализации Горькому оставалось укреплять веру народных масс в новые социалистические мифы при помощи таких художественных средств, как фольклор, особенности и технику которого он блестяще знал. Историки предыдущих культур, по его словам, «не смогли по достоинству оценить значение фольклора, народных традиций в понимании того, как люди строили свои отношения с природным и социальным окружением» [Gorki 1946: 134]. А ведь в образах таких героев, как «Геракл, Прометей, Фауст, Иван-дурачок, Петрушка, нашли концентрированные выражения нормы и идеалы соответствующих периодов истории. Поэтому изучать и изображать

жизнь трудящегося человека надо с учётом его устной, повседневной, народной культуры» [Gorki 1946: 134]. Применяя данные рассуждения к современности, Горький отмечает, что «знание фольклора и народной истории сделали Ленина в сознании масс подобным Прометею» [Gorki 1946: 137], и скорее всего это можно расценивать как аргумент в пользу создания новых политических мифов.

Горький понимает важность художественной литературы в создании идеалов, которые одновременно могут спокойно основываться на мифах. Однако, в отличие от других социальных педагогов левого толка, он оставляет за человеком право самостоятельно разбираться в прочитанном, а для этого надо повышать грамотность: «Мы должны поставить нашей целью всеобщую грамотность населения, через которую сможем донести людям наши задачи и наше понимание жизни» [Gorki 1946: 138].

Позже, в том же году, на встрече с молодёжью Горький высказал ещё более парадоксальную, с точки зрения коммунистической ортодоксии, мысль: «Да, социалистический реализм призван создавать новые идеалы, но в отличие от обмана невежественного и неграмотного народа, чем, собственно, и занимается пропаганда, эти идеалы должны быть основаны не на вымыслах и заблуждениях, а на реальных достижениях. В Советском Союзе это стало возможным, потому что мы живём и работаем в стране, где славные, почётные, героические поступки стали настолько распространены, что многие из них не упоминаются даже в ежедневной прессе, а имена их героев мало кому известны. А в это время наши писатели, со своей стороны, не замечают эти поступки и не называют имена этих героев, потому что их внимание по-прежнему остаётся в прошлом, во времени критического реализма, который видел во всём лишь негативное и плохое» [Gorki 1946: 145].

Завершал Горький свои рассуждения о методе социалистического реализма следующим образом: «Я не натуралист. Я хочу, чтобы литература смогла возвыситься над действительностью, чтобы она смотрела на действительность сверху. Литература имеет гораздо более высокую цель, чем просто отражение, копирование реальности. Она призвана воплощать наши мечты и желания в такие образы, реализация которых на практике, в повседневной жизни вполне возможна» [Gorki 1946: 145].

Заключение

Выбор материальной обеспеченности последних лет жизни Горького, полученной в обмен на сотрудничество со сталинским режимом, заслужили критику современников, а в последующем и историков. Бертрам Вольф в своей фундаментальной монографии, посвящённой отношениям Горького и Ленина, объясняет выбор Горького при помощи понятия «необходимая ложь». Уже во время своего пребывания в России в 1928 г. Горький заявляет, что он против такой правды, которая «ослепляет людей пылью и грязью повседневной истины. Им нужна такая правда, какую они хотят сами видеть» [Wolfe 1967: 59].

Таким образом, Горький сам становится цензором, признающим относительность истины и использующим её в качестве политического оружия. Например, в декабре 1931 г. в официальной правительственной газете «Известия» он опубликовал две пространные статьи под названием «Анекдоты» и «Кое-что ещё», в которых критиковал журналистов и писателей, рассказывающих о «негативных фактах» и пересказывающих «пошлые анекдоты». Тем самым, они, по словам Горького, «лишь тешат врагов социализма».

Горький по-прежнему верит в советское будущее. 12 апреля 1933 г. он пишет драматургу А. Н. Афиногенову о своём отношении к коммунистической партии. «Я не член партии, и мало понимаю в её

делах. Но я знаю большевиков в течение тридцати лет. И заслуги партии в том, что она строит будущее» [Gorki 1946: 129].

17 августа 1933 г. в составе группы советских писателей он посетил Беломорканал. Это был масштабный проект, который осуществлялся с использованием принудительного труда десятков тысяч осуждённых. В январе следующего года по итогам и впечатлениям от поездки будет издана книга, редакторами которой стали, помимо самого Горького, Л. Авербах, секретарь распущенной вскоре Российской ассоциации пролетарских писателей, и С. Г. Фирин, первый заместитель Генриха Ягоды, главы политической полиции (ОГПУ). В ней содержатся такие слова Горького: «Я рад тому, что увидел здесь на строительстве Беломорканала. Я увидел, как реформируется ОГПУ по сравнению с 1928 г. Вы действительно делаете очень важную работу» [Troyat 1991: 190].

Два года спустя, в письме А. С. Макаренко Горький вновь возвращается к роли тайной полиции, но на этот раз в перевоспитании трудных подростков и беспризорных детей. «Как и Вы, я очень высоко оцениваю труд этих людей. У нас в России крайне мало о них написано. А они люди очень скромные и не любят рассказывать о себе» [Yedlin 1999: 203].

Последние годы жизни Горького хорошо описаны его давним другом по переписке Роменом Ролланом. Французский писатель был приглашён в Москву с кратким визитом в 1935 г. и поселился в большом и пустом особняке в центре города, который занимал Горький. Они встретились первый раз. Проницательный Роллан заметил печальное состояние своего друга: «Он стоял словно фараон, наблюдающий за тем, как поют люди, строящие пирамиды» [Troyat 1991: 190]. «Он исповедовал свою веру и не спорил. Но, – добавил Роллан, – он не изменил себе: его усталая улыбка говорила мне, что старый анархист не умер» [Troyat 1991: 190]. Советская система заткнула ему рот, и «старый медведь оказался с кольцом в носу»

[Troyat 1991: 191]. «Он был очень одинок, хотя никогда не оставался один. Мне кажется, что если бы мы остались одни, он бы просто обнял меня и заплакал, не говоря ни слова» [Troyat 1991: 191].

Герберт Уэллс, ещё один из постоянных корреспондентов Горького, был менее сентиментален. Посетив Москву в 1934 г. от имени Международного ПЕН-клуба, он вспоминал, что «все писатели, с которыми ему довелось встретиться, включая самого Горького, говорили одно и то же, как будто подготовленное заранее. Услышать слова Горького о том, что он против свободы, было для меня очень болезненно» [Wells 1966: 810]. Высказывая глубокое разочарование тем, как Горький провёл последние годы жизни, Уэллс писал позднее: «Он действительно превратился в сознательного пролетария. Его авторитет в пределах советских границ колоссальный, но, увы, искусственный» [Wells 1966: 810]. Смерть Горького в 1936 г. разрешила мучительные размышления между анархической свободой и верой в социализм, хотя сами обстоятельства смерти многие ставят под сомнение. Он действительно сильно болел, в том числе из-за последствий неудачной попытки самоубийства в юности. Несмотря на то, что впоследствии не было найдено никаких подтверждений содействия его кончине, Сталин воспользовался данным подозрением в качестве повода для ареста и казни Ягоды, главы советской тайной полиции.

Литературное и педагогическое наследие Горького неоднозначно, что особенно хорошо видно в отношении к цензуре и идеологической пропаганде. Это заметно и в царский, и в советский периоды, и, конечно, в период жизни в фашистской Италии. Его эмоции и интеллект были всецело на стороне идеологически преследуемых, не важно, были ли это его друзья или критики. Однако в 1928 г. выбор был сделан, понятие «необходимой лжи» определило рамки дозволенного.

Троцкий в некрологе пронизательно сказал: «Горький умер, когда ему было больше нечего сказать. Это вполне оправдывает конец великого писателя, который на протяжении последних сорока лет имел исключительное влияние на интеллигенцию и рабочий класс России... И поэтому революция 1917 г. – замечательный подарок ему, если бы он был директором Музея культуры... Именно в эти годы Горький проявил себя блестящим посредником между советской властью и старой интеллигенцией. И, конечно, он был адвокатом интеллигенции на суде Революции...».

«Горький никогда не был революционером. Но, благодаря какому-то необъяснимому закону гравитации, он был привязан к русской революции всю свою жизнь. И подобно всякому спутнику, он оказывался периодически на солнечной или на теневой стороне своего светила. Солнце революции периодически освещало его лицо, но и также часто – его спину. Но во всех случаях Горький оставался верен своей сложной и противоречивой натуре. Мы прощаемся с ним без чрезмерных эмоций и невоздержанных похвал, но с уважением и благодарностью. Великий писатель и великий человек оставил свой след в истории. Он помог выложить новый исторический путь» [Trotsky 1970: 216-220].

В Англии сегодня пытаются вновь оценить жизнь и литературное наследие Алексея Михайловича Пешкова. В 1997 г. вышли в свет избранные сочинения и письма Горького в переводе на английский язык. В 1999 г. появляется долгожданная политическая биография автора Тобы Едлин. Она считает, что Горький находился под большим влиянием западноевропейской культурной традиции и, в частности, традиций Просвещения XVIII в. Это давало ему уверенность в цивилизаторской силе образования и культуры. Он посвятил свою энергию тому, чтобы сблизить русскую и европейскую культуры, и доказал, что именно трудящийся человек, а не капитал, олигархи или церковь, является хозяином своей судьбы [Yedlin 1999:

228]. Очевидно, что эта оценка во многом соответствует действительности. Но всё-таки остаётся без ответа вопрос, что же произошло с принципом несовместимости культуры, художественного творчества и членством в политических партиях, сотрудничеством с властью, о котором он писал ещё в 1902 г.: «Русский писатель никогда не должен жить в дружбе с правительством. Неважно, в каких формах она может быть» [Wolfe 1967: 23].

Библиографический список

1. Kaun 'Obituary. 1937. Maxim Gorky // Slavonic and East European Review. Vol. 13.
2. Barratt A., Scherr B. P. (eds). 1997. Maksim Gorky: Selected letters. – Oxford: Clarendon Press.
3. Solzhenitzsyn A. 1988. The Gulag Archipelago. Vol. 1. – L.: Collins Harvill.
4. Schapiro L. 1986. Russian Studies. – L.:Collins Harvill.
5. Wolfe D. 1967. The Bridge and the Abyss: The troubled friendship of Maxim Gorky and V. I. Lenin. – L.: Pall Mall Press.
6. Davies W. H. 1968.The Autobiography of a super-tramp. – L.: Jonathan Cape.
7. Kerouac J. 2000. On the Road. – Harmondsworth: Penguin.
8. Gorky M. 1966. Letters. – M.: Progress Publishers.
9. Gorki M. (sic). 1946. How I learned to write. Literature and Life. – L.: Hutchinson International Authors Ltd.
10. London J. 1967. Martin Eden. – Harmondsworth: Penguin.
11. Autobiography of Maxim Gorky. 1953 / translated by Isidor Schneider. – L.: Elek Books.
12. Pethybridge. 1974. The Social Prelude to Stalinism. – London and Basingstoke: Macmillan.
13. Troyat H. 1991. Gorky. – L.: Allison and Busby.

14. Kenez P. 1985. The Birth of the Propaganda // State: Soviet methods of mass.
15. Yedlin T. 1999. Maxim Gorky: A political biography. – Westport, Conn, and London: Praeger.
16. Gorky M. 1972. Fragments from my Diary. – L.: Allen Lane.
17. Kagarlitsky B. 1989. The Thinking Reed: Intellectuals and the Soviet State 1917 to the present. – L. and N.Y.: Verso.
18. Berdyaev N. 1937. The Origin of Russian Communism. – L.: G. Bles.
19. Trotsky's articles in Pravda, collected in Problems of Everyday Life. 1973. – N.Y.: Monad Press.
20. Gorky M. 1971. On socialist realism, Socialist Realism in Literature and Art. – M.: Progress Publishers.
21. Wells H. G. 1966. Experiment in Autobiography. Vol. 2. – L.: Gollancz and the Cresset Press.
22. Trotsky L. 1970. Maxim Gorky, On Literature and Art / ed. P. Siegel. – N.Y.: Pathfinder Press.

© W.J.M.

Авторизированный перевод с сокращениями Григория Ключарёва.

Прямое цитирование (в кавычках) приводится в обратном переводе с английского языка.